

Се Минчжу смутился, кончики его ушей слегка покраснели, когда он подхватил чемодан и поднялся наверх.

— И это все твои вещи?

Чемодан был легким, вес исходил разве что от самого чемодана.

Становилось очевидно, что у его владельца не так уж много скарба — проще говоря, он беден.

Се Минчжу достал из кармана ключ и швырнул его Бай Туну.

Бай Тун растерялся: ключ пролетел мимо, а он всё так и стоял столбом, пока металл не стукнул его по лбу.

Он обеими руками прикрыл лоб и, забавно замяукав, выразил жалобу, но выражение лица у него осталось прежним — дурашливым.

Се Минчжу немного понаблюдав за ним, сжав губы в тонкую линию и нахмурившись. Он кашлянул:

— На время работы будешь жить здесь.

Больше он ничего не добавил.

Извинение застряло в горле, словно рыбная кость — выплюнуть нельзя, оставалось только проглотить.

Если не считать не лучшего первого впечатления, Се Минчжу в обычной жизни говорил мало, его взгляд был холоден и отстранен, а сам он излучал высокомерие молодого господина из знатной семьи в сочетании с мрачностью человека себе на уме.

Черты его профиля были точеными и благородными, переносица — высокой и прямой, во взгляде читалось нетерпение, а порой мелькало мимолетное пресыщение жизнью, хотя при ближайшем рассмотрении это казалось лишь обманчивой тенью.

Бай Тун поблагодарил его.

Всем своим видом Се Минчжу выражал недовольство, и по его глазам Бай Тун отлично видел, как мучительно для того находиться здесь.

Тогда добросердечный Бай Тун, войдя в комнату, произнес:

— Босс, мне еще нужно разобрать вещи, так что ступай домой.

— Ты думаешь, я жажду здесь оставаться? — Се Минчжу уставился на чемодан, и аура раздражения вокруг него стала еще гуще. — А тот человек... кто он?

Заметив, что Се Минчжу уходить не собирается, Бай Тун молча расстегнул чемодан и между делом ответил:

— Приемный отец.

— ... — Недовольство на лице Се Минчжу, казалось, готово было выплеснуться за пределы экрана. — Приемный отец? Что он имел в виду своими словами?

Бай Тун достал собственную кружку и налил себе воды.

— Да несет чушь собачью.

Се Минчжу:

Сопоставив это с тем, что Бай Тун говорил ранее, Се Минчжу в мыслях уже нарисовал картину: «красавчик, приютившийся под чужой крышей, страдает от домогательств, давления и психологического насилия со стороны приемного отца».

— Мгм, понятно.

Атмосфера между ними постепенно стала прохладной.

Бай Тун не знал, о чем думает Се Минчжу — он ведь не Се Фусюэ, чужие мысли его не интересовали.

А раз тот просто стоял столбом и мешал, Бай Тун велел ему помочь с распаковкой.

Командуя, куда какую вещь положить, он совершенно забывал, что перед ним вообще-то его главный босс.

Подумаешь, босс! Большой босс — тоже человек!

К его удивлению, Се Минчжу не стал отказываться и принялся молча, с видом глубокого раздражения расставлять всё по местам.

Благодаря ему комната, на уборку которой планировалось потратить дня два, была приведена в порядок очень быстро.

В знак благодарности за помощь Бай Тун заказал барбекю, можно сказать, разорившись на этом.

Доставленный шашлык блестел от масла и шел паром.

Бай Тун поднял шпажку с мясом и сделал фото на телефон:

— Побольше перца, побольше масла, какой же это грех! Но пусть этот грех останется на мне, я готов пожертвовать собой ради людей.

Се Минчжу за всю свою жизнь еще не был так поражен:

— ...

Аппетит у Бай Туна был скромным, но заказал он много — главным образом потому, что лавка была новой, и хозяин, смертельно боясь, что еда не продается, сделал ему скидку за скидкой да еще пообещал десять юаней возврата за хороший отзыв.

Се Минчжу знал, что ему давно пора уходить, но, глядя, с каким аппетитом Бай Тун уплетает еду, почувствовал подступающий голод и тоже съел несколько кусочков.

В новом заведении ингредиентов не жалели, продукты были свежими, а на вкус — очень даже неплохо.

Кусочек за кусочком, остановиться было невозможно.

У Се Минчжу вечно был так себе аппетит, но, глядя, как аппетитно ест Бай Тун, он проголодался.

Это желудок проголодался, вовсе не он сам, Се Минчжу.

Так, шпажка за шпажкой, он набил живот, а потом почувствовал себя немного неловко и на всякий случай перевел Бай Туна денежную сумму.

Бай Тун расплылся в улыбке:

— Босс, обожаю в тебе эту привычку: дружба дружбой, а денежки врозь.

Се Минчжу рухнул на диван:

— Не люби меня, всё равно ничего не выйдет.

Бай Тун:

— А, угу, конечно-конечно.

Се Минчжу: ...

В комнате уже почти всё было убрано, осталась лишь небольшая коробка с книгами, и Бай Тун принялся аккуратно расставлять стопки. Наевшись, Се Минчжу задремал, опустив глаза на диване.

В отличие от Се Фусюэ, который вызывал совсем другие чувства, Бай Тун был тихим, молчаливым, не обремененным лишними манерами; он не включал классическую музыку, оставшись в одиночестве, и даже мог запросто усесться прямо на полу, сразу раскрывая приглянувшуюся книгу.

Спокойный и теплый солнечный свет падал сбоку на лицо Бай Туна.

Се Минчжу заметил, как на белоснежной щеке Бай Туна остался крошечный мазок жирного масла от острой приправы.

Внезапно захотелось попробовать.

Ощущалось в этом что-то живое, искрящееся и горячее.

.

В то же время Чу Аньлинь получил подборку фотографий.

Валявшийся без дела Чу Аньлинь мгновенно вскочил на ноги и выругался:

— Твою мать!

Он немигающим взглядом уставился на человека на снимке, а с его лица никак не сходило торжествующее выражение.

— Се Минчжу, наконец-то я поймал тебя за хвост!

Они с Се Минчжу за спиной друг у друга вели скрытую борьбу и оба спали и видели, как бы соперник сошел с дистанции, и вот теперь ему удалось уличить недруга!

В то же время он испытывал легкое раздражение.

И что такого?

Всего лишь дешевый двойник с отдаленным сходством, неужели он может сравниться с Фусюэ?

Исключено!

Фусюэ — лучший человек на свете, никто на свете не сравнится с его нежностью и заботой!

Он просто не мог дождаться, когда расскажет обо всем Се Фусюэ, чтобы Се Минчжу вылетел из игры окончательно.

И тут, как назло, ему позвонил руководитель команды с недавних соревнований в каком-то регионе и сообщил, что он занял призовое место и медаль ему вышлют почтой.

Заветным желанием Чу Аньлиня было добиться, чтобы Се Фусюэ принял его медаль, а заодно и его самого.

Поэтому он поспешил сообщить новость Се Фусюэ.

Однако звонок шел за звонком, но трубку никто не брал, и на душе у Чу Аньлиня стало холодно.

В пустой квартире не было ни души, и он продолжал машинально набирать номер Се Фусюэ.

Наконец Се Фусюэ ответил:

— Я очень занят, прости. Поговорим в другой раз.

Под звуки коротких гудков сердце Чу Аньлиня рухнуло вниз.

Избалованный нрав молодого господина тут же дал о себе знать, и внутри закипела обида.

На пике эмоций разум свойственно терять.

Чу Аньлинь чувствовал, что упустил что-то важное, но вспомнить никак не мог.

Он сыграл пару партий в игры, немного позлился, ожидая, что Се Фусюэ перезвонит, но с той стороны так ничего и не ответили.

Чу Аньлинь почувствовал глубокое разочарование.

Ему казалось, что в сердце Се Фусюэ он не значит абсолютно ничего.

Но как же сильно он любил Се Фусюэ!

Создавая людей, небес создают их парами, почему же они с Се Фусюэ не пара?

Чу Аньлинь сидел за столом и тяжело вздыхал.

— Оказывается, в этом мире есть вещи, которые не купишь за деньги.

В этот момент он вдруг вспомнил то, о чем забыл.

Историю с Се Минчжу.

Впрочем, сейчас у Чу Аньлиня совершенно не было настроения донимать Се Минчжу, он даже начал испытывать к нему некоторое сочувствие.

Оба они добивались тех, кого не могли получить, и у каждого были свои горечи.

Поразмыслив так, Чу Аньлинь отыскал в контактах один номер.

Нервно сглотнув, он нажал вызов.

.

Вскоре после ухода Се Минчжу Бай Туну позвонили.

Это был Чу Аньлинь.

Собеседник заикался, долго не мог связать и двух слов, а потом выдавил:

— ...Сколько тебе заплатил Се Минчжу? Я дам вдвое больше! Хочу такого же обслуживания,

как у него!

Бай Тун обожал таких наивных богатеев, а глядя на то, как тот сам набивает цену, он думал: ну вылитая любовь.

Действуя с максимальной эффективностью, Бай Тун добавил Чу Аньлиня в WeChat:

— Идет. Добавь меня в WeChat, кое-что покажу.

Лаконичность Бай Туна оставляла простор для самой бурной фантазии Чу Аньлиня.

Кое-что покажет?

Когда кто-то становится заменой, игрушкой... что обычно показывают в таких случаях?

Чу Аньлинь лихорадочно забил в поисковик: порядок действий при становлении содержанцем.

Ответ: разумеется, сначала нужно осмотреть товар. Внешность, тело — если у главного спонсора высокие требования, может потребоваться оценка социального статуса, медицинская справка и тому подобное.

Чу Аньлинь поверил, и его ум зашел за разум.

Телефон в руке раскалился до предела, температура процессора Snapdragon 888 грозила зажарить пальцы.

Чу Аньлинь еще не сталкивался с суровой реальностью, а потому, уставившись на окно переча, вмиг покраснел до корней волос, чувствуя, как бешенно колотится сердце.

Вдруг, ну вдруг Бай Тун пришлет ему какую-нибудь непристойщину?!

Чу Аньлинь сглотнул слюну, решив, что Бай Тун испорчен до мозга костей и этот дешевый аналог и в подметки не годится Се Фусюэ.

Но его лицо... черт, и вправду чертовски хорошенькое.

Мысли Чу Аньлиня закрутились с замысловатостью традиционных тяньцзиньских бубликов, а глаза неотрывно глядели на экран переписки.

Черт, как же он нервничает!

Черт, с чего бы ему вообще нервничать?!

.

Прошлые файлы были загружены на компьютер, и Бай Туну потребовалось некоторое время, чтобы их отыскать.

Когда он наконец отправил готовый документ, то обнаружил:

— Пользователь не является вашим другом.

Бай Тун: «.»

Чего только не увидишь, ко всему привыкнешь.

Взаимный черный список как знак глубокого уважения.

Тем временем Чу Аньлинь ворочался с боку на бок, не сводя глаз с профиля Бай Туна в WeChat.

Он скатывался с одного края кровати на другой и обратно, а его экран всё так же застыл на вопросе: добавить ли пользователя в друзья.

Скрипя зубами, он открыл давно заброшенный чат с Се Минчжу и отправил ему сообщение:

— ...Ну как вы с Бай Туном, это самое... приятно?

А-а-а-а!

Романтическое сердце юноши разрывалось на части.

— ... — с тех пор, как на его пути встретился Бай Тун, Се Минчжу каждый день только и делал, что терял дар речи.

Для него словно открылся мир фэнтези, где ежедневно находились новые дураки.

А с дураками он церемониться не привык.

Будь на месте этого парня Бай Тун, он бы еще проявил терпение, помня о его лице, точь-в-точь как у Се Фусюэ.

Но этот не обладал ни тем, ни другим.

Се Минчжу сжалился и, продемонстрировав высокий уровень словесного мастерства, прислал ему емкое: «Катись». После чего изящным движением отправил наглеца в черный список под знаком красного восклицательного знака.

Получив от ворот поворот в виде двух красных восклицательных знаков от разных людей, Чу Аньлинь издал звериный рев:

— Гайя-я-я!

<http://bllate.org/book/21952/2280882>